

Дуализм промышленной политики ярославского исправительного арестантского отделения в конце XIX – начале XX вв.

Уже к началу XIX в. одним из важнейших в тюремоведении стал тезис о необходимости привлечения арестантов к систематическому оплачиваемому труду: создавались материальные стимулы к исправлению преступников. Но в России вплоть до конца столетия этот тезис был скорее декларацией – только в 1886 г. был принят первый законодательный акт, призванный организовывать производство за решёткой: «Высочайше утверждённое мнение Государственного совета о занятии арестантов работами и о распределении получаемых от сего доходов». Да и после принятия закона практика в большинстве российских губерний отставала от теории; в 1902 г. авторитетный энциклопедический словарь «Брокгауз и Ефрон» заметил: «Бытовая почва, на которой исторически выросли наши тюрьмы, не представляла возможности введения какой-либо определённой *тюремной системы* в России. Даже и те отрывочные пенитенциарные предначертания, которые имеются в ныне действующем законодательстве, не получили пока надлежащего практического осуществления» [1]. Фактическими хозяевами тюрем оказывались местные тюремные начальники и (по введению в 1895 г. Тюремной инспекции) – губернские тюремные инспекторы. Кадры действительно решали всё: от степени профессиональной пригодности начальника тюрьмы зависело, как будет организован арестантский труд.

В этом отношении особого внимания заслуживают дореволюционные тюрьмы г. Ярославля, в частности, Ярославское исправительное арестантское отделение (ЯрИАО). Изучив сохранившиеся архивы отделения, мы получили возможность говорить о знаковом явлении, образно названном нами ««экономическое чудо» за решёткой». Его суть: начиная с 80-х гг. XIX в. (более ранние данные не сохранились), в ЯрИАО шло стремительное расширение промышленного производства, носившее интенсивный характер.

Уникальность явления в том, что, по данным «Брокгауза и Ефрона», в целом по России в то время «доходы, получаемые от арестантского труда, служили самым ничтожным подспорьем государственному казначейству» [2]. И совершенно иная ситуация имела место в ЯрИАО.

В 1899 г. суммарный доход от работ, производившихся в арестантских отделениях по всей России, составил 1.462.950 р., из них чистая прибыль казны составила 389.200 р. собственно казне и 435.807 р. в доход мест заключения [3]. Словарь в приложениях к статье «Тюрьма» приводит таблицу «Количество арестантов, подследственных, отбывающих срок наказания, и других категорий, в России, за 1899 г.» [4]. Выделим из неё фрагменты, оставив в стороне, во-первых, сведения о пересыльных тюрьмах, где производства не было, во-вторых, сведения о заключённых-женщинах, которые в тюрьмах ремеслом не занимались. Добавим, в свою очередь, графу «Численность арестантов на 1 января 1899 г.»: данные для неё легко получить вычитанием из числа арестантов «разновременно содержавшихся в 1899 г.» количества «поступивших в разное время за 1899 год».

В результате получаем следующую таблицу:

Места л/с	Численность арестантов на 1 января 1899 г.	За 1899 г. в разное время поступило	Разновременно в 1899 г. содержалось	Численность арестантов на 1 января 1900 г.
Тюрьмы общего устройства	60.044	414.339	474.383	59.206
Они же Привислянского края	5.522	41.252	46.774	5.111
Исправительные арестантские отделения	9.011	8.195	17.206	9.741
Каторжные тюрьмы	3.270	2.819	6.089	3.869
ВСЕГО	77.847	466.605	544.452	77.927

Разделив валовой арестантский заработок за год на общее число заключённых к 1 января 1900 г., находим, что в России в 1899 г. среднестатистический работающий арестант зарабатывал 18 р. 77 $\frac{1}{4}$ к. (округление производим в данном случае до $\frac{1}{4}$ копейки – самой мелкой монеты, ходившей тогда в России).

А вот сведения по Ярославскому ИАО за период 1881-1886 гг., т.е. до принятия закона. Исследуя данные Государственного архива Ярославской области (ГАЯО), можно довольно точно вычислить среднее число арестантов отделения и заработок среднестатистического заключённого. По данным архива [5], получаем такие цифры:

Год	Валовой доход ЯрИАО, руб.	Среднее число арестантов, чел.	Средний заработок 1 арестанта, руб.
1881	2.642,00	308	8,57 $\frac{3}{4}$
1882	3.820,85	333	11,47 $\frac{1}{4}$
1885	4.152,47	336,5	12,34
1886	5.567,01	508	10,96

Как видим, за год до принятия закона «О занятии арестантов трудом...» тюремные работы в Ярославле приносили доход примерно в 2/3 от среднего по России спустя 13 лет после принятия закона. Да и динамика выявляет общую тенденцию к росту производительности арестантского труда, хотя очень сильна была зависимость экономических показателей от «текучести кадров». Последняя, учитывая, что в исправительные арестантские отделения попадали, как правило, лица, осужденные на небольшие сроки (подавляющая масса – на срок от 2 до 3,5 лет), была очень высока. Так, в 1883 г. в связи с коронацией Александра III из ЯрИАО был досрочно освобожден 241 арестант «по сокращению срока на 1/3 по Высочайшему манифесту» [6]. Среднее число арестантов отделения по сохранившимся за тот год данным высчитать невозможно, зато очевидно, какой удар по доходам ЯрИАО был нанесён «высочайшим манифестом»: в 1883 г. было заработано всего 2.749 р. 78 к. [7]. Резкие скачки численности заключённых первоначально столь же пагубно сказывались на среднем показателе доходности арестантского труда: едва ли возможно было одновременно создать в 1886 г. по сравнению с 1885-м в полтора раза больше рабочих мест – пропорционально росту числа арестантов.

Невзирая на подобные трудности, ярославская тюрьма демонстрировала серьёзные достижения в производственном росте. Для сравнения с общероссийским показателем 1899 г. возьмём данные, сохранившиеся в ГАЯО за 1897 год по Дополнительному помещению ЯрИАО: они наиболее полные [8]. В тот год валовой заработок местных арестантов составил 4.831 р. 50 к. – при том, что по состоянию на 1 января 1898 в ДП ЯрИАО содержалось 84 арестанта. Таким образом, на каждого приходится 57 р. 51¼ к. валового заработка, что в 3,06 раза больше, чем в среднем по России двумя годами позже.

В период стабилизации в «кадровом вопросе» есть все основания говорить о впечатляюще интенсивном экономическом росте, пик которого пришёлся на последнее предреволюционное пятилетие. В 1910-1912 гг. ЯрИАО было перестроено, расширено и превращено в Ярославскую Временно-каторжную тюрьму (ЯВКТ), рассчитанную на 1.100 заключённых; она всегда была забита до отказа, так что можно говорить об относительно стабильном числе рабочих рук. А вот данные о доходах тюрьмы: в 1911 г. силами содержащихся там 1.008 арестантов заработано 36.693 р. 63 к., т.е. в среднем 36 р. 40 к. каждым заключённым [9]. А 5 лет спустя, в 1916 г., при практически неизменной численности контингента ЯВКТ её доходность составила уже 99.758 р. [10].

Справедливости ради сделаем оговорку. Относительно устойчивости русского рубля начала XX в. в современной литературе есть различные точки зрения. До 1914 г. обеспеченность бумажного рубля (к началу XX в. – основного платёжного средства в России) золотом составляла около 95%; эмиссионный закон запрещал выпускать в обращение более 300 млн. руб. бумажных денег, не обеспеченных драгметаллами. На этом основании иногда делаются заключения вроде: «для “николаевских” денег ни русско-японской войны, ни первой русской революции словно и не произошло. Рубль был тогда настолько устойчив, что “рухнул” только в результате общенациональной катастрофы 1917 г.» [10]. Более реалистичной представляется нам другая оценка: с началом Первой Мировой бумажный рубль обесценился примерно в 1,6-1,7 раза: к 1916 г. золотой червонец стоил 16-17 бумажных рублей [11]. Таким образом, если считать правильной первую точку зрения, то доходность ЯрИАО-ЯВКТ за 5 лет выросла почти на 270%; если же верна вторая – фактический рост был примерно 160-165%, что, однако, по-прежнему свидетельствует об исключительных показателях экономического прогресса в ярославской городской тюрьме.

Возникает резонный вопрос – благодаря чему стало возможно «экономическое чудо»? Ведь наверняка инициативные руководители были не только в ЯрИАО-ЯВКТ.

Ответ, как нам кажется, способны дать документы, подобные выписке из журнала заседаний Попечительского совета над ЯрИАО о совещании членов совета, состоявшемся 26 августа 1889 г. [13]. Примечателен сам состав этого совета, куда вошли, с одной стороны, «власть имущие», с другой – предприниматели-профессионалы [14]: вице-губернатор Рек (председатель совета); губернский инженер; купцы Вахрамеев и Гороховников; директор Тюремного комитета Папанов.

Отметив уже существующие успехи в организации арестантского труда (высококачественные изделия слесарной мастерской ЯрИАО в 1887 г. были отмечены малой серебряной медалью Рыбинской торгово-промышленной выставки и бронзовой медалью Министерства финансов [15]), совет предложил целую программу промышленного развития отделения. Известный специалист по кузнечному делу купец Гороховников согласился возглавить реорганизацию кузнечного производства за решёткой, причём обязал «вменить начальнику отделения Преображенскому действовать по указаниям г. попечителя Гороховникова» [16]. Была

предложена программа по развитию кузнечного производства, давшая великолепные результаты. Когда в 1903 г. в Ярославле проходила «выставка Северного края» – выставка промышленных достижений 7 северных областей Европейской России, – ЯрИАО выставило там 59 образцов «слесарно-кузнечного мастерства»: велосипеды, кровати, инструменты, детали механизмов [17].

Примечательно, что местные власти в лице Губернского правления – единственного учреждения, распорядившегося отчислениями из арестантских заработков, шедшими в государственную казну, – рассматривали местную тюрьму как успешный финансовый проект и охотно делали в него долгосрочные инвестиции, не ожидая немедленной отдачи. Так, в 1891 г. произошло очередное расширение кирпичного завода ЯрИАО: Губернское правление выдало администрации ЯрИАО на это кредит в 2.800 р., но работы встали в 2.994 р. 72 к. [18], и Губернское правление доплатило недостающие почти 200 р. Это с учётом прибылей кирпичного завода: в 1891 г. было произведено кирпича на 1473 р. 81 к. при затратах на его производство в 765 р. 10 к. [19]; из чистой прибыли в 708 р. 71 к. 30% шло в доход арестантов, занятых на работах, а остальная сумма делилась примерно пополам между ЯрИАО и Губернским правлением, получившим около 248 р. И всё равно – «лишние» 194 р. тюрьме дали, т.к. знали – позже окупится.

Итак, секрет «чуда» – в союзе чиновничества, тюремной администрации и промышленников-профессионалов.

Возникает вопрос: почему же столь передовой опыт создания экономически рентабельного производства за колючей проволокой не получил широкой известности и распространения?

У медали была и обратная сторона – столь же тёмная, сколь блистательна была лицевая. Ужасные условия эксплуатации арестантского труда в ЯрИАО, в начале XX в. ставшие в народе легендарными, ныне находят своё подтверждение и точное описание в документах архива.

По учреждению в 1895 г. местного отделения Тюремной инспекции её начальник – Губернский тюремный инспектор И.С. Миклашевский – отправился с ревизией по местам заключения Ярославской губернии. Посетив ЯрИАО, он не нашёл «ни одного места, которое не было бы гнило»; в камерах стояла «порядочная сырость, стынь»; «трудно даже перечислить все недостатки, а можно лишь сказать, что в недалёком будущем здание это может быть признано совсем негодным для жилья» [20].

Существенных реконструкций помещений не проводилось, разве что периодически проходили мелкие косметические ремонты по необходимости: расположенное на берегу Волги «основное» помещение (в Коровниках) часто подвергалось весенним наводнениям, а помещение «на Угличской улице» было старым – настолько, что даже в официальном отчёте 1900 г. говорилось: «в каком году построено здание – видимости (*может быть, перепутано с «ведомости» – А.К.*) не имеется. По частным сведениям, это здание приспособлено для содержания арестантов в 1844 году». Его последний (по состоянию на 1900 г.) капитальный ремонт проводился в 1879 г., о ремонтах после этого года сведений тоже нет [21].

Если на расширение производства в ЯрИАО денег не жалели, то вот на нуждах арестантов экономия была жесточайшая. Сохранилось дело о найме электромонтёра за 1905 год: тот подписал договор с начальником ЯрИАО, где, помимо всего прочего, обязался, например «не допускать непроизводительной траты фонарных углей, огарками которых производить освещение в короткие ночи» [22].

Иногда политика тюремного начальства в отношении арестантов, точнее, в отношении экономии на арестантах, принимала и вовсе несурзные формы. Вступив в 1907 г. в должность начальника ЯрИАО, подполковник А.Л. Гордов вдруг обнаружил, что некоторые арестанты имеют возможность зарабатывать больше надзирателей – в ответ на это родилось распоряжение: «Избегать расценок из 6/10 (*закон предписывал в обычных случаях оставлять арестанту 3/10 от суммы заработка, но иногда допускалось оставлять и 6/10, в ряде особых случаев вроде работы в праздничные дни – А.К.*) только потому что род работы тяжёлый или рабочий подготовлен к делу лучше других» [23]. Отказ стимулировать работника к повышению квалификации и готовности идти на тяжёлые участки производства – это черта, характерная скорее для рабовладения, чем для самых уродливых форм капитализма.

Самое печальное, что с течением времени, параллельно экономическому росту, росли и подобные тенденции. Уже вскоре на деятельность нового тюремного «начальника-деспота» (это официальная характеристика, даваемая в документе [24]), обратили внимание жандармы, ибо «благодаря» его активности «заклѳченные доведены до крайнего озлобления, граничащего у

некоторых из них, преимущественно бессрочных каторжан, с решимостью идти на всё, лишь бы выразить заметный протест существующим насилиям».

Предреволюционной зимой 1916-17 гг. в Ярославле получила широкое распространение нелегальная брошюра «Голос из мёртвого дома», где ярко описывается работа заключённых ЯВКТ. При сопоставлении с данными статистики (смертность арестантов и пр.) и документами того же Ярославского губернского жандармского управления агитационный текст вовсе не кажется преувеличением: «Глухо и мертво в царстве насилия и произвола. Мучаются, страдают и умирают люди, задыхаясь в невыносимых условиях жизни. И всё мрачнее и суровее становится режим. Харкающие кровью, чахоточные, больные пороком сердца, истощённые, изголодавшиеся заключённые должны работать тяжёлую и вредную работу. Чахоточные должны ткать и стирать» [24].

Годом ранее в ЯВКТ пребывал арестант И.С. Опанасенко, который в своём дневнике оставил поистине блестящую запись, ясно и точно характеризующую дуализм промышленной политики ЯриАО-ЯВКТ, где, с одной стороны, присутствовали выдающиеся производственные показатели, а с другой, была их подоплёка – беспощадная и часто противозаконная эксплуатация арестантского труда: «Харченко передал из конторы прошение для переписки, т.к. его там замарали (может, баба яка тряпку положила – они там часто убирают)» [25]. Частный сюжет из жизни одного арестанта с поразительной точностью передал общую картину быта ярославской тюрьмы начала XX века.

Примечания

1. Энциклопедический словарь [Текст] – СПб.: Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1902. – Кн. 67. – С. 362-363.
2. Там же. – С. 363.
3. Там же.
4. Подробнее см. Таблицу III там же. – С. 365.
5. Подробнее см.: Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. 337. – О. 1. – Д. 3. – Л. 12; Там же. – Д. 7. – Л. 4, 6, 8, 11, 15, 17, 19, 21, 31, 33, 35; Там же. – Д. 11. – Л. 5, 6; Там же. – Д. 33. – Л. 4, 22; Там же. – Д. 34. – Л. 4, 12; Там же. – Д. 36. – Л. 2, 24.
6. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 13. – Л. 7.
7. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 14. – Л. 23.
8. Подробнее см.: ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 95.
9. Приговор приведён в исполнение. К 125-летию уголовно-исполнительной системы России [Текст] // авт.-сост. А.Н. Пичуев, редколл.: Мудров И.А. и др. – Ярославль, 2004. – С. 62.
10. Там же.
11. Киселёв, В. На службе кесаря и Аполлона [Текст] // Техника – молодёжи. – 1994. – № 11. – С. 8.
12. Малышев, А.И., Таранков, В.И., Смиранный, И.Н. Бумажные денежные знаки России и СССР [Текст]. – М., 1991. – С. 75.
13. Подробнее см.: ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 35.
14. Там же. – Л. 73.
15. Там же. – Л. 74-об.
16. Там же. – Л. 76-об.
17. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 134. – Л. 2-об.-3.
18. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 35. – Л. 78-об.
19. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 58. – Л. 35.
20. ГАЯО. – Ф. 335. – О. 1. – Д. 3. – Л. 14.
21. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 104. Л. – 13-об.-14.
22. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 217. – Л. 3-об.
23. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 303. – Л. 247.
24. ГАЯО. – Ф. 906. – О. 4. – Д. 928. – Л. 10.
25. ГАЯО. – Ф. 338. – О. 2А. – Д. 86. – Л. 1.